

Интерпретируя классику: что мы в действительности знаем о социологии Джорджа Герберта Мида?

Открыв практически любой учебник по истории теоретической социологии, в разделе о развитии социологии в США можно найти примерно следующие слова: «Джордж Герберт Мид – один из классиков американской социологии первой половины XX века. Его главная работа «Разум, Я и общество» является фундаментальной для такой интеллектуальной традиции как символический интеракционизм». Эта формула в разных вариациях повторяется от текста к тексту. Она воспроизводит несколько идей. Во-первых, безусловное признание Мида в качестве классика социологии. Во-вторых, тесную связь (а порой и отождествление) его идей с ключевыми тезисами символического интеракционизма. И, наконец, в-третьих, указание на монографию «Разум, Я и общество», как на ключевое произведение Мида, оказавшее формирующее влияние на всю традицию символического интеракционизма. Однако, мне хотелось бы показать, что каждый из этих тезисов достаточно проблематичен и при более подробном разборе наводит на ряд размышлений о том, что мы в действительности знаем о социологии Джорджа Герберта Мида.

Начнем с последнего тезиса о центральном положении монографии «Разум, Я и общество» среди социологических и социально-психологических работ Мида. Впервые она была опубликована в 1934 году, через три года после смерти Мида. Среди всех опубликованных от имени Мида монографий и сборников статей именно она является самой цитируемой и во многом определяет понимание его подхода в академическом сообществе.

В основу «Разум, Я и общество» легли студенческие конспекты лекций по курсу социальной психологии, который Мид читал в университете Чикаго. Иными словами, Мида нельзя назвать автором этой книги в традиционном смысле слова, поскольку она представляет собой текст, который не был написан Мидом самолично. Об этом честно пишут все авторы, так или иначе

рассматривающие интеллектуальное наследие американского ученого. Однако в большинстве случаев этому «непрямому авторству» придается не слишком большое значение. Изложенные в этой книге идеи, тем не менее, принято атрибутировать Джорджу Герберту Мида. Опираясь на исследования Гари Кука, Ханса Йоаса и Дэниэла Уэбнера, я бы хотел продемонстрировать, что история создания работы «Разум, Я и общество» куда более проблематична, чем принято считать, и есть серьезные основания для сомнений в том, что данную книгу стоит рассматривать в качестве значимого и достоверного источника для изучения идей Джорджа Герберта Мида.

Сложность рецепции идей Мида состоит в том, что за свою жизнь он не опубликовал работ крупной формы. Лишь после его смерти ученики и коллеги, собрав воедино конспекты лекций Мида и неоконченные тексты, опубликовали несколько монографий от имени почившего ученого – «Философия настоящего», «Разум, я и общество», «Философия акта». Одним словом, не существует такой работы, которую можно было бы уверенно назвать *magnum opus* Мида.

При этом многие из его идей позже транслировались и популяризовались его учениками. Вероятно, больше всех в этом преуспел Герберт Блумер, который не только принимал активное участие в подготовке вышеупомянутых монографий, но также написал отдельную работу, посвященную социологическим импликациям мышления Мида [1].

Однако интерпретативная модель Блумера, несмотря на то, что стала крайне популярной, вызывает критические замечания со стороны специалистов по истории социологии. Например, О.А. Кармадонов замечает, что в отдельных случаях, например, когда речь идет о понятиях «жеста» и «символа», Блумер достаточно вольно интерпретирует идеи Мида, выводя на передний план скорее собственные концепции, нежели идеи своего учителя [10, с. 5]. И в этом, на первый взгляд, нет никакой проблемы. Действительно, какая-либо интерпретация вряд ли с полным основанием может быть названа правильной или неправильной. Однако здесь нужно сделать важное

замечание: Блумер, высказывая некоторое оригинальное соображение, отказывается приписывать себе его авторство, но представляет это как прямое изложение идей своего учителя [1, с. 535].

Схожая ситуация связана с работой «Разум, Я и общество», которая была впервые опубликована в 1934 году, через три года после смерти Мида. Ее редактором-составителем выступил один из отцов семиотики Чарльз Уильям Моррис. Современные исследователи отмечают, что вклад самого Морриса в эту книгу часто недооценивают: есть основания полагать, что некоторые идеи, принадлежащие самому Моррису, были озвучены в тексте от лица Мида [3, р. 19-20]. В частности, вызывает сомнение авторство термина «социальный бихевиоризм», которым Мид якобы сам обозначил свою интеллектуальную позицию [5].

Однако именно в таком виде «социология Мида» стала классической. В наиболее популярных учебниках по истории социологии воспроизводится именно эта модель интерпретации «Мида как основателя символического интеракционизма» с соответствующими смысловыми акцентами (для примера см. [12, с. 242]).

К тому же если принимать во внимание работу В.С. Вахштайна о моделях классичности в социологии, то и сама «классикализация» Мида оказывается не само собой разумеющимся событием. Вахштайн указывает на существование определенных критериев, которые способствуют непроблематичной «классикализации» социолога-теоретика: внутренняя согласованность теоретических построений, непротиворечивость по отношению к существующему корпусу социологического знания, связанность имени с каким-либо узнаваемым комплексом идей [8, с. 17-18]. Если попытаться хотя бы частично вынести за скобки работу учеников Мида по интерпретации и популяризации идей своего учителя, то его соответствие этим критериям оказывается под вопросом. Отсюда возникает вопрос каким образом возникла формула «Мид как основатель символического интеракционизма», позволившая ему стать классиком социологии? Ответ на

него можно найти, если немного детальнее изучить каким образом развивалась социология в США после смерти Мида.

Как известно, в середине XX века в американской социологии начинается перераспределение зон влияния. Прежде главную роль в теоретической социологии играла Чикагская школа, но после смерти Мида и ухода из Университета Чикаго Роберта Парка она начинает терять авторитет [7, с. 63]. Одновременно, возрастают амбиции и влияние Гарвардской социологической школы, где активную исследовательскую работу начинают вести сначала Питирим Сорокин, а затем и Толкотт Парсонс. По сути, в 1950-е гг. именно он становится представителем наиболее авторитетной позиции в американской социологии.

Как отмечает Ханс Йоас, современный исследователь наследия Мида, такое положение вещей не могло устраивать Герберта Блумера. Он последовательно критикует структурный функционализм Парсонса и настаивает, что более продуктивной альтернативой ему является символический интеракционизм [9, с. 192-194]. При этом Блумер методично и последовательно делает ссылки на Мида, устанавливая и укрепляя связь между Мидом и символическим интеракционизмом. Исследователи подчеркивают, что во многом именно благодаря усилиям Блумера идеи Мида активно циркулировали в социологическом дискурсе в 1960-е гг. [2, с. 141]. В этот период символический интеракционизм становится узнаваемым и популярным понятием среди социологов, а между именем Мида и символическим интеракционизмом постепенно устанавливается знак равенства. Так Джордж Герберт Мид становится классиком и основателем символического интеракционизма.

Конечно, это очень упрощенная история «классикализации» Джорджа Герберта Мида. Однако в данном случае детальная реконструкция не столь важна. Главное, эта история позволяет понять, что становление Мида в качестве классика социологии не было само собой разумеющимся итогом его научной карьеры. Напротив, к концу своей жизни он был по большому счету

неизвестен для широкого научного сообщества [4, с. 28]. Однако конкретными людьми была проделана значительная работа, итогом которой (пусть и не главным, и нельзя сказать, что преднамеренным) стала «классикализация» скромного профессора Чикагского университета.

Важно подчеркнуть, что сложившаяся классическая модель рецепции идей Мида возникла в определенных социально-политических условиях. Это не делает недостоверной или ошибочной, но говорит лишь о том, что ее не стоит рассматривать как единственно верную и окончательную. Стоит пытаться работать с идеями Мида за пределами символического интеракционизма.

Список литературы

1. Blumer H. Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead // *American Journal of Sociology*. Volume 71. Issue 5. 1966. P. 535-544.
2. Fine G.A., Kleinman Sh. Interpreting the Sociological Classics: Can There Be a “True” Meaning of Mead? // *Symbolic Interaction*. 1986. № 1. P: 129–146.
3. Gillespie A. G.H. Mead: Theorist of the Social Act // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2005. № 1. P: 19–39.
4. Joas H. G.H. Mead: A Contemporary Re-Examination of His Thought. Cambridge: The MIT Press. 1997.
5. Mead H. *Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist* / H. Mead. – Chicago: The University of Chicago Press. 1934.
6. Puddephatt A. The Search for Meaning: Revisiting Herbert Blumer’s Interpretation of G.H. Mead // *The American Sociologist*. 2009. № 1–2. P: 89–105.
7. Wiley N. The Rise and Fall of Dominating Theories in American Sociology // W. Snizek, E. Fuhrman, and M. Miller (eds.). *Contemporary Issues in Theory and Research*. 1979. Greenwood Press. P: 47-79.

8. Вахштайн В.С. «Неудобная» классика социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ. 2006.
9. Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб. Алетейя. 2011.
10. Кармадонов О.А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 3-13.
11. Николаев В.Г. Герберт Блумер и символический интеракционизм (I): предисловие к коллекции статей Герберта Блумера // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. 2008. № 1. С.105-114.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб: Питер. 2002.